

«Григорий Горин. Воспоминания современников» – так строго академично называется сборник, подготовленный издательством «Эксмо-пресс» (составители Любовь Горина и Юрий Кушак). Перелистывая страницы рукописи, понимаешь, как трудно было авторам этой книги – слишком свежая рана, слишком близко горе утраты. Может, потому стиль авторов очень «горинский», с шутками – добрыми, грустными и мудрыми. Думается, и читатель, который в июле получит эту книгу, улыбаясь на многих страницах, не раз проглотит комочек, подкатывающий к горлу.

Всем нам невозможно поверить, что прошел уже год с того трагического дня.

Виктор СЛАВКИН

Все начиналось на Воробьевском, 53, в боксовом флигеле так называемого «Дома Ростовых», где в шестидесятые годы помещалась редакция журнала «Юность». Тогда в каждом печатном органе полагалось иметь уголок сатиры и юмора – «Вилы в бок», «Смехом по помехам», «Женедельник»... Название нашего уголка от других сильно не отличалось – «Пылесос». Но содержание этого «Пылесоса» было другим. С тех пор как отдел возглавил Марк Розовский, вокруг него закружилась молодая техническая, медицинская и общегуманитарная интеллигенция: Арканов, Горин, Хайт, Курляндский, Камов, Успенский... Недавние выпускники московских вузов, бывшие короли институтских капутников и факультетских обзоров. Есть легенда, что Гришу Офштейна нашел Алик Аксельрод на волейбольной площадке и втравил в знаменитые капутники Первого медицинского. Так или иначе, будущих классиков юмора, мультипликации, драматургии всосал в себя «Пылесос». И первым тут был автор, носивший тогда двойную фамилию: Арканов-Горин.

Однажды в то весеннее для всех нас время, прогуливаясь по дворику Союза писателей вокруг памятника Льву Николаевичу Толстому, Гриша спросил меня, кем я хочу стать. Я тогда был упоен работой в эстрадной студии МГУ «Наш Дом» и, не задумываясь, ответил:

– Хотел бы быть автором «Нашего Дома».

– Как, всю жизнь?!

– Всю жизнь.

От моего приступа романтизма Гриша опешил:

– Такой профессии нет.

Уже тогда он понимал, что наши юморески, сценки, репризы лишь пролог перед настоящей литературной жизнью. И первым (разумеется, с Аркановым) перешел в новое качество – с 1966 года после «Свадьбы на всю Европу» он стал называться «драматург Горин». Это была настоящая профессия.

Его полюбили все и сразу. Гришино обаяние было так велико и талант настолько бесспорен, что быть желанным на страницах любого издания ему не мешал пятый пункт, а дефект речи не препятствовал выступлению на литературных вечерах и эстрадных концертах. Гриша, даже когда он стал серьезным писателем, любил называть себя шутком. Как шут он еще тогда, в шестидесятые, понял: чтобы преодолеть некий язык, надо не прятать, не примитивизировать, а вместе со всеми над ним пошутить. И он это сделал! Он написал уморительных рассказов о том, что пробовал исправлять дефект речи, ходил к логопеду, а из этого выходил один смех. Послушав его произношение, логопеды махали руками: «Ой, не могу, не могу!». Давай сто рублей, и чтоб я тебя никогда не видел». На концертах, стоило Горину появиться на сцене, из зала кричали: «Шепелявочку!.. Шепелявочку!..» Так раз и навсегда Гриша избавился от своего недостатка.

Чем чаще Горин называл себя шутком, тем все больше и больше людей говорили о нем как о мудреце. Собственно, тут нет противоречия. Мудрость шута и шутки мудреца объединяет одно – горечь, печаль человека, который слишком хорошо понимает, что происходит вокруг.

В Гришинских рассказах, о каких бы острейших вещах он ни писал, были такие открытость, искренность и простодушие, что перед этим терялись самые строгие цензоры. Тогда мы хвастались друг перед другом, у кого в столе больше непроходимых произведений. Однажды Гриша позвонил мне и сказал: «Ты знаешь, заглянул в стол и испугался» – ни одного рассказа, все напечатано. Прямо перед ребятами стыдно... И вот грянула перестройка. Все мы захлебнулись откровенными возможностями – печатать, что хочешь! Писатели выгребали из столов все, что там накопилось, и волокли в редакции, их печатали или не печатали, говорили, что устарело или недостаточно остро, писатели бросались на ходу осовременивать, обострять, но статьи в «Огоньке» и «Московских новостях» легко перебивали их смелость и фантазию... В самый разгар этой суеты Гриша сказал: «Сатирики, наступило время писать в стол». Парадокс мудреца. Горечь шута. Так же, как раньше Горин не соревновался с другими юмористами в написании самого антисоветского рассказа, так и сейчас он не спешил попасть в перестроечную конъюнктуру.

Но вернемся в журнал «Юность». Гриша входил в четверку суровых мужчин, скрывавшихся за милым девичьим именем – Галка Галкина. Этот редакционный персонаж, любимое детище нашего главного редактора Бориса Полевого, был изобретен, в частности, для того, чтобы «отбивать» ревнителей идеологической чистоты, которые в то время довольно часто нападали на наш журнал. Одним из таких верных борцов партии был писатель Иван Шевцов. В его романе «Во имя отца и сына» среди прочих был такой пассаж: мол, заметили ли вы, что типографские значки, которыми в «Юности» отбивается одно стихотворение от другого, имеют форму... шестигульной звездочки? Вывод ясен: журнал «Юность» – прибрежные сионисты. Полевой тут же вызвал меня и приказал готовить к бою Галку Галкину, да бить побольней, поизощренней... Я понял, что один я не справлюсь, отпросился из редакции на два дня и поехал в Малеевку, где в Доме творчества писателей обитал тогда Гриша Горин. Мы поудили с ним рыбку в местном пруду, погуляли по лесу, обсудили целозельские новости и, конечно, выполнили задание Бориса Николаевича. Галка Галкина по обыкновению ехидно подхваливала автора: какой он умный да проницательный, как тонко подметил криминальные звездочки... Но, следуя этой логике, надо обратить внимание, что роман Шевцова издан в коричневой обложке, а всем известно, символом чего является коричневый цвет. Слово не было названо, но совершенно четко читалось. Полевой был счастлив – прилепачили гужее! Но после публикации он сказал мне: если будут спрашивать, никому не говорите, что скрылся под Галкой Галкиной на этот раз.

«В крайнем случае, называйте меня, Вы не представляете, какие подкровителю обнаружились у Шевцова. Я отобьюсь, а вам с Гришей могут сломать хребет». Более того, гонорар он распорядился выписать на фамилию Полевой, чтобы нигде не было наших следов. Вызвал меня в кабинет, притворив дверь, Борис Николаевич вручил мне 100 рублей. «Попелете с доктором», – сказал Полевой. Он уважительно называл Гришу «доктором».

С Гришей было легко. Не обидчивый и не обаяющий, надежный, но не требующий подвигов от других, – нормальный. С ним было хорошо и говорить на серьезные темы, и ходить в баню, и путешествовать... Несколько раз мы с ним вместе были за границей. Там обычно нервы у советских людей обостряются: одному хочется в театр, а другому – в магазин... У нас все было спокойно, без напряга. Лишь один раз в Париже Гриша настоял на своем, навалил, за что я ему по сей день благодарен. Французское авторское общество, которое нас принимало, вручило нам два билета в театр «La Colonne» на пьесу Ионеско «Стулья». После дневных прогулок по городу так хотелось вечером полежать в гостинице!.. Но Гриша тормозил –

пойдем в театр, пойдем и пойдем!.. Я сопротивлялся, сколько мог, потому перестал спорить и сдался. Когда мы пришли, оказалось, что сегодня какой-то юбилейный спектакль и в зале присутствует автор – Ионеско! Вот что значит драматургическое чутье – Гриша даже почему-то фотоаппарат с собой захватил. Мы по очереди сняли друг друга на фоне короля абсурда, когда тот давал автографы в фойе. Радовались, как дети на новогодней елке...

А в самом начале нашего знакомства, когда Гриша еще не был рыбаком-асом, мы поехали с ним на рыбалку в деревню Скнятино, недалеко от Волги. Нам объяснили, как доехать и на какой станции сойти. Ночью мы испугались, что проехали, подтащили наши вещи к тамбуру, то ли проводник спросонья сказал нам, что наша следующая, то ли мы сами это решили, но поезд остановился на минуту и мы прыгнули. Красные огоньки последнего вагона еще не успели скрыться за поворотом, а мы уже поняли: это не наша остановка. Ночь. Крутом ни души. Маленькая будочка – вокзал, касса закрыта, из расписания мы узнали – следующий поезд утром, мы одни... Тут впопыху было встать в отчаяние, но деру!... что первый предложил сойти... Но мудрый Гриша засмеялся и сказал: «Поверь мне, мы будем вспоминать об этом всю жизнь». Мы выложили на скамейку наши припасы: краковскую колбасу, консервированное какое-то, естественно, бутылку водки... В какой-то момент нашего счастья пира Гриша вынул из рюкзака складную удочку, как-то ловко трянул ею, и удочка вылетела своей четырехметровой длиной, чуть не вышиб окошко. Да, мы пропустили тогда утреннюю зорьку, но больше никогда так радостно и бездумно не выпивали. Утром мы все-таки добрались до Скнятина и пару дней порыбачили, что мы поймали, я не помню...

Не знаю, с чего это началось, но в жизни Арканов и Горин имели свои закрепленные амплуа. Гриша – везунчок, Арканов – неудачливый. Счастливец и Несчастливцев. Вокруг них создавался целый фольклор. Гриша среди ночи вылезал на пустынный улицу, поднимал руку, чтобы почесать в затылке, мол, как добраться до дому, и тут как-то онемевало, и он останавливался, такси, которое, как обычно, ехало в парк, но как раз в Кузьминки, где тогда жил Горин. У Аркана все наоборот. Однажды, когда Гриша уе-

хал в Ленинград, Аркаша послал туда ему телеграмму: «Срочно приезжай зпт не могу поймать такси». Они уже и сами лезли свои образы. Арканов: «Ну вот, наконец и у Гриши неприятности: купил новую машину, а старую продать не может». И все с удовольствием подхватывали эту игру.

Конечно же, Гриша не был таким лучезарным везунком, которому все давалось легко. В работе над пьесами у него наступал момент, когда он не знал, что делать. Шутливо он называл это «проблемой второго акта». Первый акт он писал сравнительно быстро и вдруг останавливался, не знал, как должно дальше развиваться действие. Для многих его коллег это не проблема – они дальше до слова «Занавес». А Гриша понимал, что во второй половине пьесы должна приобрести новое качество. Собственно, это и определяет класс драматурга. И перелом этой проблемы Гриша на время заставлял. Начинать мучить себя и своих друзей. Я мог помочь ему только теоретически. Например, передавал совет одного из корифеев: «В первом акте мы набираем букет цветов, а во втором эти цветы должны только распускаться». Но Гриша был практиком, и абстрактные советы ему не помогали, он впадал в творческое отчаяние, пока в какой-то момент собственное чувство не подсказывало ему, что делать дальше. Выходила премьера, и зритель в очередной раз восхищался легкостью и уверенностью маститого автора.

Сам не чуждый, как мы видим, творческих терзаний, он посмеивался над нами, ноющими: не пишется, нет вдохновения, ничего не хочется... «Выспался, встал, хорошо поел, попил чайку, сел и пишу... В чем дело? Однако иногда по утрам в телефонной трубке я слышал отнюдь не бойкий Гришин голос: «Что-то жмет сердце, голова кружится, поспите сегодня дома...»

Всю последнюю зиму по воскресеньям мы ходили в сауну театра Ленком. Большой веселой компанией, опять я сидел рядом с Аркановым и Горинным, как в былые времена юности и «Юности»... Я был счастлив, как в ту ночь, когда мы с Гришей по дороге на рыбалку пошпили на той станции. А может быть, в сауну-то ему тогда ходить и не следовало бы...

И еще по поводу чувства вины перед Гришей. Хочу высказать одну догадку. Мы с таким удовольствием много лет играли в «Счастливец-Несчастливцев», что, может быть, сами убедили Гришу,

что так оно и есть: ему от жизни не надо ждать никаких подножек и подлостей. Да и его абсолютная доброжелательность и бесспорная порядочность должны были ограждать его от небесного гнева... И когда в Нижнем Новгороде на фестивале капутников «Веселая коза» с Горинным случился сердечный приступ и врачи, приведя его в чувство, посоветовали ему по возвращении в Москву серьезно заняться своим здоровьем, Гриша (недоказуемое предположение) подумал: «Ничего, пронесет. Сколько раз неприятности обходили стороной, и на этот раз...» Приехав в Москву, он продолжал работать над пьесой, бегать на репетиции, вечерами торчать в Интернете – короче, жить своей обычной напряженной жизнью.

Если бы знали! Несколько лет тому назад в Петербурге на фестивале «Золотой Остап» Академия сатиры и юмора вручила Гришину премию по самой почетной номинации – «Беспорный». Так это по сей день и есть.

Анатолий СМЕЛЯНСКИЙ

Есть люди, которые всю жизнь играют роль «души компании». Дело всем и хорошо известно: народ собирается, выпивает, закусывает, а кто-то обязательно берет на себя функцию объединить разнородную публику, говорить тосты, вести за столы, шутить, развлекать. Участь таких людей порой невыносима. Невозможно снять маску. От тебя непрерывно ждут шуток, ты не имеешь права на молчание, на плохое настроение. Про людей вышеописанной судьбы в английском мире говорят: человек всегда «он», то есть всегда включен. Момент «офф» наступает вместе со смертью.

Гриша Горин стал душой компании под названием все Россия. Он стал одним из главных шутников большой страны, которая многие годы его не жаловала. Не то чтобы он был диссидентом, иначе мыслящим или вольнодумцем, готовым идти на катуру. Природа его юмора была на редкость уютная, в рост и размер нашего человека. У него все было в человеческий размер, добродушие, ясность взгляда. Он был доктором по образованию, но, что важнее, – по миропоиманию. Среди докторов есть ведь тоже свои разновидности: костопра-

вы, кровопускатели, хирурги. Гриша был терапевтом. Он мог все объяснить, он видел жизнь как смешную и грустную комедию, полагал, что это свойство жизни как таковой. Потому легко уходил в историю, чтоб рассказать о нашем человеке издалека и увидеть все нынешние проблемы в призрачном свете вечных истин. Именно это раздражало в нем советского чиновника. Ну, не любил он его притч и аллегорий. Как говорит цензор Савва Лукич в булгаковском «Багровом острове», «аллегория, аллегория, и внутри такой меньшечки окажется, что хоть топор повесить». Гриша был настоящим меньшевиком. Он принадлежал к тому меньшинству, которое все понимает. «Григорий Израилевич, вы же русский писатель, ну за чем вы пишете про греков?» – сокрушался минкультовский костоправ, прочитав «Забить Герострата». Он писал не только о греках. Он писал о немцах, евреях, англичанах, перелицовывал мировые сюжеты и легенды. Он проветривал нашу жизнь на вольном воздухе других культур и достиг в этих своих драматургических шутках максимальной эффективности. Дистанцию времени он замечательно использовал, памятуя простое наблюдение поэта: «Пушки к бою едут задом, это сказано не зря». Может быть, понятие бой к Горину мало применимо. Но то, что он доставлял интеллектуальную радость, сопрягая времена и нравы, это бесспорно.

В нем самом была редкая человеческая и писательская пластичность, соразмерность. Он был миролюбив, покладист, хотел хорошо жить, никого не трогать. В нем была большая запас неврастращенной нежности, которая звучит в любой его пьесе. Он любил всех своих героев, даже мерзавцев, любил так, как бог любит любое из своих творений. Мерзавцы у него тоже смешные дети сего мира, они тоже требуют медицинской помощи, снятия катаракты с глаз. Гриша замечательно умел снимать катаракту, в том числе катаракту исторической тупости, надутости, важности. «Улыбайтесь, улыбайтесь», – призывал он в финале «Мюнхгаузена». – Все самые большие глупости на земле делаются с серьезными лицами». Помню, что эта реплика очень не нравилась нашим генералам из ГЛАВПУРа (Гриша написал эту пьесу по заказу ЦАТСа). Один из них после спектакля спросил меня: не издевается ли тут Горин над армией. Я что

есть сил доказывать, что ни к армии, ни к ее главным генералам эта шутка отношения не имеет.

Отношения его пьес с холячими сюжетами или книгами, на которых они основывались, не были простыми. Он никогда не делал инсценировок. Он писал пьесы, то есть брал старый сюжет или легенду как повод, как некий интонационный зачин и совершал с ним то, что любой музыкант совершает с чьей-то мелодией, попавшей в его музыкально-смысловое поле. Он старые сюжеты оркестровывал, переосмысливал, подчинял их ритму своего юмора, своего представления о том, что должно воздвигаться в театре. Он любил открывать театральность самого не театрального сюжета. Скажем, в спектакле Ленкома «Поминальная молитва» есть сцена погрома. Ну что тут может быть театрального, какой тут предмет для юмора? Горин его обнаружил. Вот погромщики уныло рассказывают по дому Тевье, лениво бранятся, выискивая хоть какой-то повод взбодриться, распалить кровь. Погром ведь тоже не начнешь с бухты-баракты, нужно иметь хоть какой-то повод для резни. Повод находится философский. «Ну, что, жиды, Христа нашего распяли?» Нескольким раз смотрел я захаровский спектакль, и каждый раз была громовая смеховая реакция в этом не веселом месте. Тут горинский секрет. Где это богом забытое местечко и где Христос? Смеховая энергия извлекается из сопряжения «далековатых понятий».

Горину повезло: он один из немногих театральных писателей, которые сохранили свой театральный дом в новейшее время. Его домом до конца дней оставался Ленком. Отношения с этим своим театром не были идиллическими. Не раз говорили о Марке Захарове, главном режиссере его жизни. Гриша знал его больше, чем кто-либо иной, знал его с юности, видел его слабости, извивы отношений с меняющимися властями. Но и тут он никогда не становился суевер, и тут он оставался терапевтом. Он мыслил прожитой жизнью, а не конкретной нынешней ситуацией. Он относился к своему другу режиссеру так же, как он относился к любимому своему герою.

Он полагал, что жизнь включает в себя право на ошибку. Он преподал мне несколько уроков такого понимания. Человечность была чертой его натуры и его таланта. В его литературном псевдониме звучит оттенок горечи, но его смех не был ни горьким, ни саркастическим. Он никогда не добивал, не бичевал, не уничтожал, не был на поражение. Его смех был светлым, печальным, если хотите, профилактически-лечебным.

Он бывал нередко занудой. Это бывает с комическими писателями. Они должны как-то поддерживать баланс внутренних сил. Он был страстным рыбоволом, то есть человеком, способным к долгому сосредоточенному наблюдению и молчанию. Там он, видимо, заряжался любовью к рыбам и иным тварям земным, среди которых есть и такая тварь, как человек. Все свои наблюдения он копил и спрессовывал до репризы. Жизнь всегда была у него беременна острой фразой. Весть о смерти Юрия Никулина передавалась через последний рассказанный врачом анекдот. После этого анекдота он уже в сознание не приходил. У Гришин глаза блеснули от такого прекрасного финала клоуна. Даже отъезд своего престарелого отца из России на постоянное место жительства в Сан-Франциско он пересказывал как чудесный исторический анекдот. Старый еврей, герой войны, напел перед Шереметьевом кучу своих орден и медалей. Он переходил границу зоны, как солдат проходит передовую. Гриша успел сунуть ему в карман 100 долларов (дело происходило в начале 90-х), вложив туда же записку для тех, кто будет шмонать старика. Он нашел способ, чтобы насмешить негодяев и упростить этих сукинных сынов не трогать фронтовика.

Беспорно иметь дело с несовершенством мира – опасно для писателя. М. Зощенко не зря говорил, что сатира – это вредное производство, вреднее, чем производство шпиковых белил. Гришу считали не по разряду сатиры, он шел у нас по разряду юмора и шутки. Может, поэтому казался таким крепким, защищенным, заряженным на долгие годы. Оказывается, и юмор у нас не безвреден. Не выдержало сердце. В тот день, когда узнал, что Гриши не стало, я почему-то вспомнил про фронтовика-отца, которого он так смежно экипировал перед переходом шереметьевской границы. Белый старик, вероятно, еще греется там под калифорнийским солнышком, ко-

гда сын его покойся на старом московском кладбище. Вполне бабелевский или горинский анекдот. On and off. Навсегда off.

Любовь ГОРИНА

Пришла! Я видела, как ты умираешь. Я врывалась в комнату, где ты лежал, но врачи выпроваживали меня. Когда я вошла в последний раз, ты закрывал глаза, как оказалось, навсегда. Эта картина преследует меня, прокручиваясь в моей голове по сто раз за день. В эту минуту я потеряла все. Все, потому что ты для меня был мужем, братом, отцом, другом. А еще – я потеряла смысл жизни.

Я не плакала, не кричала, а просто окаменела, не могла двинуться с места, пока не приехали Игорь с Таней. Врачи же ушли крадучись, по-воровски. Хорошенькую бригадку прислал тебе твой приятель – главврач скорой помощи. Они даже в вену не могли попасть толком, на простыне осталась лужа крови. Не говоря уже о том, что еще вечером, при первом приступе, они должны были забрать тебя в больницу. Ах, как тебя подвела вера в твою хорошую генетику.

Проводить тебя пришлось много народу. Из Сан-Франциско приехали Марина с Гришей, Юра Кушак принес на похороны твою только что вышедшую в «Антологию сатиры и юмора» книгу. Хорошо издала. Тебя бы порадовала.

Похоронили тебя на Ваганьковском кладбище, недалеко от Булата.

Вскоре рядом с тобой нашлась покой Аллочка Балтер.

Отец умер через два месяца после тебя, не перенес смерти сына. Твои родные звонят часто, зовут меня пожить с ними. Я не еду, не могу оставить тебя одного надолго. Я чувствую, как ты радуешься, когда я прихожу. Только не смотри так грустно и укоризненно мне уходящей вслед, это рвет мне душу.

Изда на Валдае, которую ты так любовно отстраивал и сажал деревья в саду, уже не наша. Прости, мне тоже было грустно с ней расставаться, но я не смогу туда ездить одна, без тебя.

Шурик стал художником театра Сатиры.

Эльдар пишет толстую книгу жизни.

Аркан скоро переедет в новую квартиру в новом доме. Я за него рада. Пора уже.

Премьера «Шута» у Марка откладывается из-за сложности декораций. Говорят, что в «Ленкоме» будет стоять твой бюст. Не знаю, как к этому относиться.

Представь, в драмтеатре Пскова поставили твоего «Герострата». Завил прислала мне афишу и две рецензии. В них написано, что пьеса эта вечная. Дай-то Бог.

Скоро выйдут твои новая книга «Театр Горина». Издатели хотят приурочить ее выход к премьере «Шута» в Ленкоме.

Да, в одном из пражских театров репетируют «Тили».

Паничи в Питере репетируют «Шута» с большим энтузиазмом. Послу посмотри, приду к тебе – расскажу. Жаль только, нельзя будет наедине с тобой. Очень многолюдно там. Это кладбище стало излюбленным объектом туристов.

Обо мне не волнуйся. Несколько месяцев у меня жила грузинская девушка. Благодаря ей я выжила. Сейчас она уехала, так как для грузинских граждан введен визовый режим.

На Новый год была на даче у Толочкова. Впервые я его встречала без тебя. Плакала, конечно. Как гвозди, курнаты бивали в мое сознание две фразы: «Гриши больше нет. Учись жить одна».

Друзья звонят и помогают, но тебя ведь заменить мне никто не может. Изюв сил я стараюсь держаться. Людям некомфортно общаться с вечно печальным человеком, даже если причиной тому смерть мужа.

Дом без тебя опустел, замолчал телефон. В сиротливом недоумении смотрит на меня невостребованный компьютер. В доме поселилась гнетущая тишина. Как всегда, в твое отсутствие воюют со мной все предметы. Я учусь их чинить.

Почему ты не приходишь ко мне даже во сне? Я так соскучилась по тебе. Гриша, родной! Я видела, как ты умираешь, бросала горсть земли в твою могилу, часто хожу на кладбище и все еще не верю, не верю и не могу смириться, что тебя нет. Часто подхожу к дверям в надежде, что вот сейчас они распахнутся и войдешь ты, большой и шумный. Пожалуйста, возвращайся. Я так тебя жду!

Твоя Люба

Тот самый Горин